

Линь Цинбай снова увидел этот сон.

Во сне он парил высоко в воздухе, а юноша с силой сжимал его горло.

Вокруг бушевала метель, сотрясая небо и землю. Почва трескалась, образуя глубокие провалы, и люди один за другим падали в бездонную пучину. Вопли и крики, резкие и пронзительные, гулким эхом разносились по миру, словно настал конец времён.

Юноша, ставший виновником этого хаоса, с глазами, налитыми кровью, всё сильнее сдавливал шею Линь Цинбая. Тот не мог пошевелиться, его грудь разрывало от нехватки воздуха.

Юноша наклонил голову, улыбаясь так, что его глаза превратились в полумесяцы, а на щеках проступили маленькие ямочки. Он тихо прошептал:

— Линь Цинбай, сдохни.

Линь Цинбай рывком сел на кровати. Его лоб покрылся испариной, а пальцы, вцепившиеся в простыню, побелели от напряжения — казалось, он вот-вот разорвет расшитую ткань.

Опять этот сон. Почему он снова приснился?

Тетушка Лянь, стоявшая рядом, растерянно мялась, не решаясь подойти, но всё же осторожно спросила:

— Ванъе, может, мне отправить людей на поиски?

— Господин, — понизив голос, добавила она.

Линь Цинбай хотел что-то ответить, но его перебил приступ удушливого кашля. Он схватился за грудь и начал тяжело кашлять.

В этот момент снаружи послышался глухой звук.

— Кха-кха-кха!

В саду, скрываясь в густых зарослях, прятался маленький мальчик в белых одеждах. Он сжался, напоминая собой маленький белый паровой пирожок.

Тетушка Лянь огляделась и заметила белое пятно в кустах.

Линь Цинбай, вцепившись в деревянную спинку кровати до вздувшихся вен, гневно произнёс:

— Хорошо. Пусть ищут. Передайте ему: раз уж он там, пусть не возвращается вовсе!

Сердце Линь Цинбая бешено колотилось, тревога, словно ядовитый плющ, оплетала его душу.

— Кха-кха, который сейчас час?

Тетушка Лянь побоялась передавать такие слова, поспешно ответив:

— Ванъе, Анъ-эр ещё мал, не злитесь на него, берегите здоровье.

— Эй, кто-нибудь...

— Уже час Хай.

Внутренний двор утопал в густой листве, видимость была плохой. Линь Цинбай смотрел в окно, словно пронзая взглядом тьму.

Старая служанка, потирая руки, в нерешительности проговорила:

— Ванъе, господин ещё не вернулся...

Дверь со скрипом отворилась, и служанка поспешила войти, наливая Линь Цинбаю горячей воды:

— Ванъе, что с вами?

Линь Цинбай оттолкнул чашку и, сдерживая кашель, спросил:

— Где Си Анъ?

Тетушка Лянь поспешно вышла из покоев. Маленький «пирожок», услышав голос, снова зашуршал, глубже зарываясь в листву. Тетушка Лянь, торопясь, схватила его за руку и вытащила наружу.

В темноте было не разобрать, но при свете фонарей стало ясно: на мальчике живого места нет. Утром он уходил в чистом белом халате, а теперь выглядел так, словно вывалился в грязи.

— Ох, горе моё, ну где ты пропадал? Посмотри на себя, какой грязный...

Си Ань, ничуть не смутившись, надул губы и, сердито размахивая кулачками, выпалил:

— Это Ван Сяолю! Он отобрал у меня собранные фрукты и расцарапал мне лицо! Вот я его и толкнул в грязь...

Не успел он договорить, как из покоев донёсся кашель Линь Цинбая. Тетушка Лянь дёрнула мальчика за руку, и Си Ань тут же зажал рот ладонками, вытаращив глаза.

— Тише, учитель сердится...

Тетушка Лянь с силой потёрла лицо Си Аня, но грязь уже засохла, и кожа покраснела, а пятна так и не исчезли.

— Больно! — взвизгнул мальчик.

В конце концов, оставив его лицо в покое, тетушка Лянь затащила его в покои. Там было тепло, на жаровне грелся чай, а воздух был пропитан дымком.

Линь Цинбай сидел на краю кровати в тонком нижнем халате. Его взгляд был настолько гневным и ледяным, что Си Ань замер на пороге, не смея сделать и шага. Тетушка Лянь легонько подтолкнула его, и мальчик, шаркая ногами, медленно подошел к учителю.

— На колени.

Си Ань вздрогнул и бухнулся на пол.

— Руки, — велел Линь Цинбай.

Мальчик задрожал и робко протянул ладони. Линь Цинбай взял со стола мерную линейку:

— Каков пятый пункт домашних правил?

Холод дерева коснулся ладоней Си Аня. Тот пролепетал дрожащим детским голоском:

— Пятый пункт... возвращаться домой каждый вечер до часа Сю.

— А сейчас который час? — снова спросил Линь Цинбай.

— Час Хай...

— И как тебя следует наказать?

Раньше голос Линь Цинбая казался мягким и тёплым, но сейчас каждое слово звучало словно удар мороза. Си Ань шмыгнул носом:

— Двадцать... ударов.

Не успел он осознать происходящее, как тяжёлая линейка опустилась на его руки. От боли мальчик отпрянул, глаза наполнились слезами, и он жалобно всхлипнул:

— Больно...

Линь Цинбай был неумолим. Линейка рассекала воздух, удары следовали один за другим. Он не жалел сил. Сначала Си Ань стискивал зубы, стараясь не кричать, но вскоре сдался. Его миловидное лицо исказилось от боли, и он зарыдал:

— Учитель... больно. Учитель, я больше не буду...

Тихие всхлипы ребёнка были подобны тупому ножу, который раз за разом полосовал сердце Линь Цинбая. Тот сжал рукоять линейки так, что запястье начало дрожать.

Тетушка Лянь, встревожившись, проговорила:

— Ванъе, Ань-эр ещё мал, пощадите его в этот раз, он больше не посмеет.

Мольбы, плач и шлепки слились в один гул, от которого у Линь Цинбая разболелась голова. В порыве гнева он отшвырнул линейку — прежнее спокойствие окончательно покинуло его.

Линейка с грохотом упала на пол. Линь Цинбай, сверкая гневными глазами, дрожащим пальцем указал на Си Аня:

— Ещё раз? Ты думаешь, будет ещё раз? Я предупреждал тебя: сейчас весна, в горах полно диких зверей! А ты шляешься там до ночи! Ты хоть немного прислушиваешься к моим словам? А если бы ты встретил зверя? Кха-кха-кха...

Не договорив, он снова закашлялся так сильно, что покачнулся и едва удержался на ногах, опираясь рукой о столик.

Си Ань испугался. Он осторожно придвинулся ближе:

— Учитель, что с вами?

Он хотел поддержать Линь Цинбая, но тот безжалостно отмахнулся от него.

— Уходи! Встань в угол на час! Кха-кха-кха...

Двери закрылись, и взгляд Си Аня сразу потемнел. Он посмотрел на свои распухшие от ударов ладони, пошевелил пальцами и вытер слёзы.

— Что он о себе возомнил? Как он смеет тебя бить?

— Хочешь его убить?

— Убей его.

Низкий, хриплый голос зазвучал прямо в голове Си Аня, искушая его. Глаза мальчика на мгновение стали багровыми. Он зажмурился и мысленно отрезал:

— Сгинь!

Вскоре тетушка Лянь вышла из покоев и, вздохнув, сказала:

— Эх ты... не зли больше учителя. Ты сегодня не вернулся, он так волновался, что даже ужинать не стал.

Си Ань, спрятав лицо в тени, промолчал.

— Глупый ребёнок, ты со временем поймёшь, что учитель — единственный человек в этом мире, кто относится к тебе с такой добротой. Пожалей его.

Си Ань на мгновение застыл, а затем медленно кивнул. Тетушка Лянь поспешно удалилась.

Ночь была глубокой, огни в поместье погасли, лишь в окне Линь Цинбая мерцал тусклый свет свечи. Си Ань поднял голову. В его тёмных глазах не было ничего, кроме пустоты. Он сделал пару шагов к свету.

Бумага на окнах была тонкой, и сквозь неё проступал силуэт Линь Цинбая. Даже в расплывчатой тени угадывалась его грация и изящество.

Линь Цинбай занимал высокое положение — он был родным братом Императора. И, как и все в

императорской семье, был холоден и расчётлив. С виду — добр и мягок, но на деле никто не мог пробиться к его сердцу.

Си Ань вспомнил слова тетушки Лянь, наклонил голову и пробормотал себе под нос:

— Единственный человек, кто относится ко мне лучше всех...

Он повторил это, а потом вдруг с силой пнул камень под ногами, опустил голову и тихо рассмеялся.

Глаза его превратились в полумесяцы, а на щеках проступили маленькие ямочки.

— Смешно.

<http://bllate.org/book/22078/2295861>